

**КОМОНИМ ПАХТИНО В ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ВОСПОМИНАНИЙ А. А. ЗИНОВЬЕВА «В МЕДВЕЖЬЕМ УГЛУ»**

Е. В. Цветкова

Костромской государственной университет
elv15@list.ru

В статье рассматривается топонимическое пространство главы «В медвежьем углу» книги А. А. Зиновьева «Исповедь отщепенца». Выявляются особенности употребления автором названия его родной деревни Пахтино. Обращается внимание на значимость данного комонима.

Ключевые слова: *А. А. Зиновьев «В медвежьем углу», комоним Пахтино, топонимы, микротопонимы, костромские топонимы, топонимическое пространство*

**COMONYM PAKHTINO IN THE TOPONYMIC SPACE
OF ALEXANDER ZINOVIEV'S MEMORIES "IN THE BOONIES"**

E. V. Tsvetkova

Kostroma State University

The toponymic space of the chapter "In the Boonies" from the book "The Confession of a Dissident" by Alexander Zinoviev is discussed in the article. The author's use of the name of his native hamlet – Pakhtino – is highlighted. Attention is drawn to the significance of this comonym.

Keywords: *Alexander Zinoviev's "In the Boonies", Pakhtino comonym, toponymy, microtoponymy, Kostroma toponymy, toponymic space*

Топонимическое пространство главы «В медвежьем углу» книги «Исповедь отщепенца», содержащей воспоминания А. А. Зиновьева о его жизни в чухломской деревне Пахтино, где он родился, довольно значительно. Это названия сторон света, стран, регионов, различных городов и их частей, водных

объектов, как родной страны – *Родины*, от которой он никогда не отказывался, так и зарубежных: *Россия, Советский Союз, Север, Сибирь, Москва, Петербург, Чёрное море, Волга* и мн. др. (в основном мест, с которыми была связана жизнь семьи Зиновьева; в количественном отношении их больше, чем зарубежных); *Запад, Средняя Азия, Америка, Бразилия, Чили, Лондон, Париж* и др. (мест, с которыми была связана жизнь Зиновьева). В соответствии с этим, следовательно, в топонимическом пространстве воспоминаний можно выделить две части: топонимические пространства России и вне России, которые можно определить также и как «ближнее» и «дальнее», «свое» и «чужое». Каждое из них, в свою очередь, также состоит из топонимических пространств, различных по своему объёму, составу, функционированию, взаимосвязанным, взаимодействующих. Так, в одно из них, представляющее *Россию*, входит, например, пространство, состоящее из топонимов *Костромской области* (о костромских топонимах в воспоминаниях Зиновьева см. [8; 9, с. 125–130]), включающее топонимию ее частей, например, топонимию *Чухломского района* – тоже топонимическое пространство, к которому относится топонимическое пространство *д. Пахтино* и ее окрестностей, и т. д. Следует отметить, что топоним *Пахтино* в определенной степени имеет отношение (правда, не всегда непосредственно) практически ко всем этим частям топонимического пространства воспоминаний о жизни в «медвежьем углу». Фразеологизмом *медвежий угол*, обозначающим отдалённое, глухое, малонаселённое место [1, с. 528], Зиновьевым метафорически характеризуется его родной край и в названии главы. Обратим внимание на то, как употребляется в ней топоним *Пахтино*.

Всего в воспоминаниях он появляется девять раз, а точнее – десять, если учитывать название первой части – «От Пахтино до Нью-Йорка». Именно в ней, в начале главы (как в начале повествования), топоним *Пахтино* наиболее употребителен: семь раз (два раза, когда речь идет о карте, один раз – в воспоминании о том, как Зиновьев до войны добирался пешком до своей деревни; четыре раза – во внутреннем диалоге при своеобразном сопоставлении д. Пахтино с Нью-Йорком). Это образ родной деревни, ее представление. И топоним часто, заметно повторяется, словно вспышки, не случайно, являясь не просто географическим названием, так как здесь передаются чувства рассказчика, его отношение к малой родине. Название деревни благодаря этому не теряется среди наименований широко известных объектов, более того, наоборот, выделяется, выглядит, по сравнению с ними, ярче, значимее. По одному разу топоним *Пахтино* звучит во второй части воспоминаний – «Российская глушь» (как название одного из селений «медвежьего угла», самого глухого) и в десятой части – «Мать» (в географической характеристике места рождения матери Зиновьева – деревни Лихачево).

Читая воспоминания, мы вместе с Зиновьевым вовлекаемся в разглядывание географической карты в бортовых журналах (он это делал подолгу во время своих полетов). Вместе с ним находим *Буй, Галич* среди таких городов, как *Москва, Загорск, Александров, Ростов, Ярославль, Данилов* (это всё названия городов, расположенных на железнодорожной магистрали *Москва – Владивосток*, образующие топонимическое пространство данной территории), а также

то, что не найти на карте (но именно это является наиболее ценным, милым для автора): расположенную за *Галичем* маленькую железнодорожную станцию *Антропово*, городок *Чухлому* на берегу небольшого озера и расположенную примерно посередине между ними маленькую деревушку *Пахтино*. Родное и дорогое видится даже там, где оно не обозначено, является важнее того, что отмечено на карте. Как трогательно, с любовью, тоской пишет он о маленькой деревушке, по сравнению с тем, что является общеизвестным: «Я мучительно вглядывался в карты и видел эту деревушку так отчетливо, как будто только сейчас покинул ее. Видел дома, поля, леса, ручьи. Видел людей. Видел даже коров, овец, кур. А ведь ничего этого давно нет. И никогда не будет» [3, с. 23]. *Пахтино* не только называется, как всё остальное (по сути дела, кроме деревни *Лихачево* и в определенной степени территории, к которой эти деревеньки принадлежали, – *Чухлома, Чухломский район*, а ранее Чухломский уезд Костромской губернии), но и описывается. Зиновьев выражает свое удивление: «Я вглядывался в то место на картах, где когда-то находилось мое Пахтино, и удивлялся тому, что меня не удивлял скачок из малюсенькой русской деревушки в многомиллионные современные города Париж, Лондон, Нью-Йорк, Рио-де-Жанейро, Токио, не удивлял скачок от старой клячи по имени Соколка, на которой я ездил верхом мальчишкой и возил навоз в поле в колхозе, к современному самолету “Боинг-747”, который переносил меня за несколько часов с одного континента на другой» [3, с. 24]. В родном, но таком уже далеком, месте хочется побывать: «Я часто мечтал вернуться в прежние места и увидеть наяву что-то знакомое и пережитое» [3, с. 23]. Зиновьев вспоминает свой путь до Пахтина (с болью сравнивая то, что было до и после войны): «До войны я не раз ходил пешком от станции Антропово до своего Пахтино. На пути были деревни, обработанные поля, церкви. В 1946 году после демобилизации из армии я последний раз прошел этот путь пешком. Почти ничего не осталось. На месте деревень – развалины домов. Как будто именно тут была война. Поля заросли лесом. И не встретил ни одного знакомого человека. Ни одного!» [3, с. 23].

Задавая себе вопрос о том, зачем ему Нью-Йорк, упоминая Манхэттен, Уолл-стрит, Зиновьев пишет, что видал он это всё, как говорят в России, в гробу в белых тапочках: его ведь сюда не любопытство, интерес принесли, а нужда. И совсем другое дело – родное Пахтино. Пахтино в определенной степени противопоставляется Нью-Йорку, сравнивается с ним, и не в пользу последнего (в своеобразном диалоге с самим собой, можно сказать диалоге-споре, – в ответ на фразу «Будущее все равно принадлежит Нью-Йорку, а не твоему исчезнувшему Пахтино» [3, с. 25]): «Между прочим, мое малюсенькое и навечно исчезнувшее с лица земли Пахтино существовало (по словам стариков) еще до того, как появился Нью-Йорк. И хотя последний стал городом-исполином, он так же исчезнет в Небытие, как и Пахтино. С точки зрения Вечности даже миллион лет есть мгновение. А с точки зрения бесконечности пространства Нью-Йорк есть такая же мизерная точка, как и Пахтино» [3, с. 25]. И действительно: что такое этот Нью-Йорк по сравнению с Пахтином? И ведь это не просто деревушка, а одно из самых глухих селений: «Наша Костромская область считалась самой глухой в России. Наш Чухломский район считался самым глухим в области.

А наша деревушка Пахтино считалась самой глухой в районе» [3, с. 26]. Но этот район, «дремучая русская глушь», настоящий «медвежий угол», был на самом деле, как пишет Зиновьев, «одним из самых культурных и зажиточных в России» [3, с. 26], что являлось следствием его бедности: уходили на заработки в *Москву, Кострому, Ярославль, Иваново, Вологду* (занимались отхожим промыслом). Это тоже часть топонимического пространства: *Пахтино* и названия мест, которые давали этой деревне жить. Наглядно показывается связь чухломской земли, частью топонимического пространства которой является комоним *Пахтино*, с другими местами (их названия тоже образуют части топонимического пространства воспоминаний). Видим это, например, в рассказе о чухломском купце Юдине (одном из богатейших купцов *России*, выходец из крестьян), имевшем собственность на *Волге*, на *Черном море*).

Говоря о родственниках («родственной группе»), Зиновьев называет места, с которыми была связана их жизнь: *Петербург/Ленинград, Москва* – в основном, а также *Комсомольск-на-Амуре, Север, Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия* (наблюдается своего рода расширение топонимического пространства). Это топопространство, состоящее из комонима (собственного имени сельского поселения) и макротопонимов (собственных имен крупных, широко известных объектов), отражает связь деревеньки Пахтино с крупными городами и территориями, отражает особенности жизни семьи.

Трогательно, с восхищением (передавая при этом свою любовь и уважение к матери), описывает Зиновьев деревню Лихачево, находящуюся рядом с его родной деревушкой (всего в четырех километрах): «Деревня была большая сравнительно с нашей и очень красивая. Расположена она была на крутом берегу реки Черт. Почти все дома в ней были крашенные, многие двухэтажные. В двух километрах от деревни протекала большая река Вига, которую можно даже найти на географических картах. Я видел сотни всяких рек. Но должен сказать, что ни одну из них, кроме старой Волги, не могу сравнить с ней по красоте. Если хотите познать красоту русской природы, поезжайте в те края» [3, с. 39]. Это окрестности Пахтина (топонимическое пространство «*Пахтино* и его окрестности»).

Чаще других топонимов, в том числе и комонима *Пахтино*, в воспоминаниях звучит астионим *Москва* (это, конечно, не случайно: туда стремились сбежать за лучшей жизнью, с этим городом было многое связано у Зиновьева и его семьи). Но это если не учитывать замену названия *Пахтино* словами *деревня, деревушка, деревенька*, которые выходят за рамки обычных апеллятивов, приобретая черты микротопонимов и, следовательно, в определенной степени входя в топонимическое пространство. Они употребляются (в том числе и с определениями) и при нем (*маленькая деревушка Пахтино, наша деревушка Пахтино*), и вместо него (*деревня, деревушка, эта деревушка, малюсенькая русская деревушка, наша деревня, наша деревушка*). И звучат эти слова более спокойно, чем собственное название деревни в начале воспоминаний. Кстати, и без родового географического термина название *Пахтино* нередко употребляется с определениями – чаще с притяжательными местоимениями, что отражает отношение Зиновьева к родной деревне: *своего Пахтино*,

мое Пахтино, твоему исчезнувшему Пахтино, мое малюсенькое и исчезнувшее с лица земли Пахтино.

Микротопонимичным можно считать и название *медвежий угол* (как наименование и отдаленной территории, и ее частей, в том числе и д. Пахтино). В Костромском крае, как и во многих других местностях, так называют захолустье, отдаленные, глухие, труднодоступные, малонаселенные места, места, где ходят медведи (это семантика и апеллятива, и микротопонима). Часто так называют наиболее отдаленные селения, леса, места в лесах. Например, в костромской микротопонимии: *Медвежий угол* – болото, ягодное место (*За клюквой-то – на Медвежий угол* – п. Кадый Кадыйского р-на); глухой бор (*Это глухой бор между деревней Колохтой и Ужугой / Поехали в Медвежий угол по грибы* – п. Ужуга Кологривского р-на); лес (*В Медвежьем углу много грибов* – д. Медведки Сусанинского р-на); глухое место в лесу (*На Медвежий угол набредешь – нескоро выпутаешься. Говорят, в этом глухом, непроходимом лесу живут медведи* – д. Доброумово Павинского р-на); место в лесу (*Медвежий угол – место в лесу, где раньше водились медведи* – д. Льгово Кадыйского р-на); *Медвежий овраг* – это место находится в глухом лесу в районе поселка *Центральный* – г. Буй Буйского р-на); деревня и ее окрестности (*Нас же всегда звали Медвежий угол. И медведей много было* – д. Мокруши Вохомского р-на).

Представляет интерес и само название *Пахтино*, содержащее в своем составе суффикс *-ин-* – один из самых распространенных древних суффиксов славянской топонимии (наряду с суффиксом *-ов/-ев-*, совпадающим с ним «по географическому распространению и исторической судьбе» [5, с. 69]), некогда служивших основным средством выражения принадлежности (см. [5, с. 69–70]). По своему происхождению оно может быть как отапеллятивным, так и отонимическим (отантропонимическим или, возможно, оттопонимическим), но все-таки первоначально образованным, скорее всего, от апеллятива. В русских народных говорах есть целый ряд слов с корнем *-пахт-*, имеющих различные значения. Однако в целом в их семантике наблюдается определенное сходство. Так, слово *пáхта* известно в значениях ‘заболоченная низина; болото; непроходимое болото, трясина’, ‘мелкий рассыпчатый снег, по которому трудно идти’, ‘мягкий липкий снег’, ‘глупый человек, дурак’, ‘отвесная скала над водой; утес, вдающийся в море’ [6, с. 295], ‘скала, утёс’ (через фин. *pahta* ‘каменная плита’ или непосредственно из саам. к. *raxte*) [7, с. 222], ‘крутой обрыв, падающий к озеру и сложенный кристаллическими породами’, ‘крутой скалистый берег’ (саам. *пахт* – скала; в топонимии: *м. Чёрная Пахта* в зал. Литке на Новой Земле; *оз. Пахта, р. Пахта* и др.) [4, с. 285], *пахта́* – ‘хлопок’ [6, с. 295; 2, с. 26; 7, с. 222] (из вост.-тюрк., чагат., тар. *raxta* [7, с. 222]), ‘хлопчатобумажная ткань – набивная бязь’, ‘гагачий пух’, ‘большая фата’ [6, с. 295]; *пáхта* и *пахта́* – ‘сыворотка, остающаяся после приготовления творога’, ‘снятое, обезжиренное молоко’, ‘кушанье – квас с толокном’ [6, с. 295]; *пáхтать* – ‘взбивать (сметану, сливки) мутовкой, рогаткой’, ‘бить, колотить’, ‘есть’ [6, с. 296] (из фин. ‘пахтать, сбивать масло’ или ‘сгущать, давать затвердеть, застыть’ [7, с. 222]) и т. п. В костромских говорах у слова *пáхта/пахта* выявлены значения ‘жидкость, остающаяся при сбивании масла’, ‘отходы при сбивании мас-

ла', 'квас с толокном', 'медлительный человек', 'несобранный человек', *пахтать* – 'сбивать масло из сливок', *пахтаться* – 'делать что-нибудь медленно' и т. п.

Описывается Зиновьевым в его воспоминаниях родной дом («такой дом сыграл свою роль в формировании нашей психологии» – пишет он [3, с. 38]), который был построен дедом к женитьбе сына, отца Зиновьева. *Дом, сад, огород, пруд, баня, сараи, гумно...* Эти названия (или их часть) в речи членов семьи (в небольшом пространстве), могли функционировать (и, без сомнения, функционировали) в речи как микротопонимы. То же можно сказать и о словах *вышки, кладбище* (для жителей деревни, в топонимическом, а точнее – микротопонимическом, пространстве деревни). К сожалению, не упоминает Зиновьев названия каких-то отдельных мест в деревне и в ее окрестностях, которые можно было бы без всяких сомнений отнести к разряду микротопонимов. Это было бы ценным для исследований микротопонимии Костромского края.

Как видим, комоним *Пахтино* входит в состав нескольких топонимических пространств, связанных друг с другом, пересекающихся, взаимопроникающих, – частей всего топонимического пространства воспоминаний, взаимодействует с другими топонимами, выполняя не только локативную, но и другие функции. Он занимает особое место среди других топонимов и выступающих в их роли названий. Комоним этот можно считать особенным: являясь собственно топонимом, он подобен и микротопонимам, так как это название небольшого, исчезнувшего селения (сохранилось как название деревни в воспоминаниях и как микротопоним – для обозначения бывшего места расположения деревни, что пусть нечасто, но в речи жителей должно звучать в настоящее время), и макротопонимам, так как оно благодаря Зиновьеву всему миру известно, вышло далеко за пределы небольшой территории своего бытования.

При наблюдении над тем, как употребляется Зиновьевым в воспоминаниях название его родной деревни, невольно, но не случайно, вспоминаются слова из предисловия к книге «Исповедь отщепенца»: «Я глубоко русский человек, никогда даже в мыслях не допускал возможности жизни вне России». «Россия отвергла меня, но я не отверг ее для себя. Она осталась моей Родиной в самом глубоком, всеобъемлющем и высоком смысле этого слова» [3, с. 8].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. СПб. : Диамант : Золотой век, 1999. 560 с.
3. Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. М. : Астрель, 2008. 608 с.
4. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М. : Мысль, 1984. 653 с.
5. Никонов В. А. Введение в топонимику. М. : Наука, 1965. 180 с.
6. Словарь русских народных говоров. Вып. 25 / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Л. : Наука, 1990. 352 с.

7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М. : Прогресс, 1987. 832 с.

8. Фокина М. А. Костромские топонимы в воспоминаниях Александра Зиновьева «В медвежьем углу» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 86–92.

9. Фокина М. А. Язык писателей Костромского края : монография. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2022. 173 с.